

## **Эсхатология в византийской исторической литературе VI–X вв.: от мировоззренческой установки к литературному приёму**

Эсхатология как комплекс представлений о конце света имеет в византийской литературе определённые особенности. Репрезентация эсхатологических мотивов в исторической литературе в большинстве случаев обусловлены следующими факторами: жанровой принадлежностью того или иного произведения, господствующими представлениями о грядущем «скончании века» (они были связаны в том числе с хронологическими системами, поэтому по мере приближения к определённым датам можно говорить о росте апокалиптических настроений) и позицией автора, который был склонен – или, напротив, не склонен – видеть в тех или иных событиях зловещие предзнаменования.

В VI в. в византийской исторической литературе сосуществовали две противоположные тенденции. С одной стороны, в исторической прозе (Агафий Схоластик, Прокопий Кесарийский) ещё присутствует сильное влияние традиций античной историографии – авторы ориентировались в основном на Геродота и Фукидида<sup>1</sup>. В связи с этим христианская тематика в таких произведениях сведена к минимуму, а сам исторический процесс не осмысливается с точки зрения христианства. Исключением является «Тайная история» Прокопия Кесарийского, однако у неё принципиально иные жанровые установки по сравнению с другими произведениями Прокопия.

Как представляется, христианскую историософию должен демонстрировать другой жанр – жанр церковной истории, одним из ярких представителей которого был писатель VI в. Евагрий Схоластик. Но при ближайшем рассмотрении его «Церковной истории» становится очевидно, что в произведении отсутствует церковно-историческая концепция как таковая, логика и смысл христианской истории отходят в повествовании на второй план<sup>2</sup> и, в целом, автор ориентирован на античную историографию в степени ненамного меньшей, чем «светские» историки<sup>3</sup>, а значит, христианской эсхатологии (в любом виде, будь то эсхатологическая концепция или система соответствующих образов) в этих

---

<sup>1</sup> Бибииков М.В. Историческая литература Византии. М., 1998. С. 61, 67.

<sup>2</sup> Кривушин И.В. Евагрий Схоластик и его «Церковная история» // Евагрий Схоластик. Церковная история. Книги I–II / Пер. с греч., вступ. ст., коммент., прилож.: И.В. Кривушин. СПб., 2001. С. 56.

<sup>3</sup> Там же. С. 77.

произведениях не находится места просто потому, что они обладают совершенно иной «системой координат». Показательно, что на сочинении Евагрия жанр церковной истории в византийской литературе и вовсе пресекается: церковно-исторический рассказ секуляризируется, история Церкви растворяется в истории империи<sup>4</sup>.

С другой стороны, в VI в. появляется жанр всемирной хроники, уже не ориентирующийся на традиции греко-римской историографии, а подчинённый логике своеобразной исторической концепции, в основе которой лежит христианский провиденциализм. Первым представителем жанра, дошедшим до нас, является «Хронография» Иоанна Малалы. Повествование начинается от Адама, включает в себя библейскую историю, различные сведения из греческой мифологии, историю Римской империи, эллинистических монархий и доходит до 560-х гг. Объединяющим элементом повествования является сама концепция восприятия времени – осевого, имеющего начало и конец, в отличие от античных представлений о цикличности времени. Малала не придаёт большого значения тщательному отбору источников (особенно источников сведений о тех событиях, современником которых он не был) и их критической переработке, предпочитая компиляцию, поэтому в его произведении встречаются анахронизмы и фактические ошибки, а наряду с информацией о реальных исторических событиях – пересказ ничем не подтверждённых слухов.

Сочинение Малалы стало основным источником другой всемирной хроники – анонимной «Пасхальной хроники» (30-е гг. VII в.), также начинающей изложение событий мировой истории от времён Адама и доводящей повествование до правления императора Ираклия (ок. 629 г.). Особое внимание автор уделяет календарю и отсчёту времени. Он сосредоточился на создании руководства для единообразного исчисления пасхалий и согласовании христианской пасхалии с хронологией. Что касается изложения самих исторических событий, то здесь автор, подобно Малале, основывается на библейских событиях и на компиляции из разных источников, причём в данной области автор довольно противоречив: в тексте хроники можно обнаружить и заимствования из несторианского трактата, и фрагменты арианской церковной истории IV в., и – наряду с перечисленным – осуждение ересей<sup>5</sup>, что говорит как о некритическом использовании источников, так и о посредственных богословских познаниях автора.

Суммируя сказанное о ранних хрониках, можно сделать вывод, что от произведений такого рода трудно ожидать взвешенной богословской позиции по тем или иным вопросам и ярко выраженных авторских взглядов на эсхатологическую

---

<sup>4</sup> Там же. С. 86.

<sup>5</sup> *Treadgold W.* The early Byzantine historians. Basingstoke [England] ; New York, 2007. P. 344.

перспективу. Более вероятно найти в них отголоски и неявные следы таких концепций и эсхатологических ожиданий, бытовавших при жизни их авторов.

Что касается основных эсхатологических концепций, так или иначе отразившихся в византийской исторической литературе, можно выделить концепцию семи тысячелетий существования мира и идею о Византийской империи как последнем «четвёртом царстве» из Книги пророка Даниила (Дан 2 и Дан 7). Мотив седьмого тысячелетия как последнего для существования мира и отождествления тысячелетий с шестью днями творения берёт начало в хронологической схеме, выработанной во II-III вв.<sup>6</sup> Согласно этой хронологии, мировая история (не считая тысячелетия Христа и святых) будет длиться 6 тысяч лет. Рождение Христа приходится на середину шестого тысячелетия и, следовательно, конец света должен наступить примерно через 500 лет после этого. Однако в силу существования различных систем исчисления мнения о том, когда именно наступит *annus mundi* 5500, разнились, поэтому точную дату конца света не мог назвать никто, но в VI в. наблюдался закономерный рост апокалиптических ожиданий. Об аналогичном всплеске исследователи говорят применительно к 1000 г.<sup>7</sup>

В центр византийской эсхатологической мысли постепенно перешла судьба империи, а особенно – судьба её столицы, Константинополя, восприятие которого было неоднозначным: с одной стороны, это Новый Рим, унаследовавший от Древнего роль апокалиптического четвёртого царства и Вавилона, который в конце времён будет разрушен; с другой стороны – это Новый Иерусалим (Нового Израиля), где храм Св. Софии выступал аналогом Иерусалимского Храма.

Благодаря сочетанию эсхатологической неопределённости и метафизического значения Константинополя и империи обострилось внимание к событиям, которые в обыденном восприятии не несли никакого дополнительного смысла, но для апокалиптического сознания являлись знаковыми: в основном это войны, стихийные бедствия и необычные природные явления. Так, например, император Юстиниан мог восприниматься народным сознанием (а не только сознанием его политических противников) как Антихрист в связи с тем, что на его правление пришлось множество катаклизмов: землетрясения в Константинополе и Антиохии, захват Антиохии персами в 540 г., опустошительные войны на трёх континентах и эпидемия чумы<sup>8</sup>.

---

<sup>6</sup> *Magdalino P. The End of Time in Byzantium // Endzeiten: Eschatologie in den monotheistischen Weltreligionen / Wolfram Brandes; Felicitas Schmieder (Hrsg.). Berlin ; New York, 2008. P. 120.*

<sup>7</sup> *Ibid. S. 129.*

<sup>8</sup> *Ibid. S. 123-124.*

Всё перечисленное отразилось в исторической литературе Византии различными способами, и эсхатологическая образность зачастую была не просто свидетельством определённых умонастроений общества в ту или иную эпоху, но и тонким литературным приёмом. Так, например, именно о литературном приёме можно говорить в случае с введением в повествование мотива Антихриста и его предтечи применительно к историческим деятелям (как правило, императорам). В данном случае это не столько актуализация эсхатологического сознания как такового, сколько способ очернения репутации политического противника, хотя, вероятно, подоплёкой таких характеристик изначально было именно народное эсхатологическое восприятие этих лиц. Здесь в первую очередь стоит вспомнить о «Тайной истории» Прокопия Кесарийского и об образах императоров-иконоборцев в литературе, написанной после восстановления иконопочитания.

Внимания заслуживает и употребление выражений из эсхатологических пассажей Библии в описаниях стихийных бедствий: целью бывает как простая экспрессия и игра слов, так и скрытый памфлет, если несчастье приходится на правление «нечестивого» императора. Однако в некоторых случаях можно говорить о ценных свидетельствах апокалиптического мировоззрения и имперской эсхатологии. Это, прежде всего, концепция «четырёх царств» в византийских хрониках. Первым автором, открыто отождествившим Византийскую империю с последним царством, стал Георгий Монах (IX в.). Помимо этого, отголоски концепции можно найти ещё у Иоанна Малалы (VI в.), которая отражается даже в организации повествования и характеристиках правителей. Литературное выражение нового направления византийской эсхатологии в «Ираклиаде» Георгия Писиды (VII в.) – это воспевание византийского императора как создателя новой вселенной, обновителя старого мира (который не был уничтожен по прихоти сил зла), приведшего этот мир к новому и последнему тысячелетию, которое уже не будет омрачено никакими бедствиями.

В целом мы видим сложное переплетение древних и сравнительно новых (по отношению к рассматриваемой эпохе) эсхатологических мотивов, ставших достоянием уже не богословской традиции, а светской литературы.

Список литературы:

1. Бибииков М.В. Историческая литература Византии. М., 1998.
2. Кривушин И.В. Евагрий Схоластик и его «Церковная история» // Евагрий Схоластик. Церковная история. Книги I-II / Пер. с греч., вступ. ст., коммент., прилож.: И.В. Кривушин. СПб., 2001.
3. Magdalino P. The End of Time in Byzantium // Endzeiten: Eschatologie in den monotheistischen Weltreligionen / Wolfram Brandes; Felicitas Schmieder (Hrsg.). Berlin ; New York, 2008.
4. Treadgold W. The early Byzantine historians. Basingstoke [England] ; New York, 2007.